

A person wearing a wide-brimmed hat and a long coat is walking away from the viewer on a rocky path. The path leads towards a vast landscape of mountains and valleys filled with clouds. The sky is a mix of orange, yellow, and blue, suggesting a sunset or sunrise. The trees on the left have vibrant orange and yellow autumn leaves. The overall mood is contemplative and majestic.

Евгений Жуков

Мир, Душа, Судьба, Человек. часть 2-1

Евгений Шулаев

Мир, Душа, Судьба, Человек. часть 2-1

<https://litres.ru/73835844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это вторая часть книги «Мир, Душа, Судьба, Человек», она должна быть первой, а первая второй, но получилось так, как получилось.

Помню, что же помню? Как говорится, перед закатом захотелось вспомнить и понять, так ли жил и все ли сделал, посмотреть на себя, людей, события и записать, то, что получилось, не мне судить. Простите все, кого назвал и может быть обидел, не хотел, простите.

Содержание

Воспоминания старого пермяка, личные, с 1935 года до... конца пока не вижу, по сути, это моя жизнь в СССР.	4
Я	6
Чусовские Городки.	13
Волга — Волга.	20
Папа и мама.	24
Ильинское.	33
Пермь.	40
Поносовы.	52
Отпуск.	64
Брат.	70
Горки.	75
Война.	85
Как жили.	88
Как ели.	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Мир, Душа, Судьба, Человек. часть 2-1

**Воспоминания старого
пермяка, личные, с 1935 года
до... конца пока не вижу, по
сути, это моя жизнь в СССР.**

Это вторая часть книги «Мир, Душа, Судьба, Человек», она должна быть первой, а первая второй, но получилось так, как получилось.

Помню, что же помню? Как говорится, перед закатом захотелось вспомнить и понять, так ли жил и все ли сделал, посмотреть на себя, людей, события и записать, то, что получилось, не мне судить. Простите все, кого назвал и может быть обидел, не хотел, простите.

«Какое счастье, я родился, судьбе угодно, начал жить.

Простите, что такой случился, но я хотел счастливым быть.

Спасибо ей, что получилось, росло, училось и жило,

чем -то в жизни научилось и до сих пор еще живо.

Прости меня, народ крещеный и некрещеный тож
прости, за то,

что так судьба решила, и свой мне крест пришлось нести,

нести куда она толкала и делать то, что суждено,

какая б вредность не стояла, все было преодолено.»

Я

Странная штука память, что то запоминает, а что то нет, то какую то ерунду помню, то события поразившие чем то, а некоторые события, произошедшие в детстве, только со слов взрослых, когда те рассказывали об них и они как бы всплыли в подробностях, а так ничего существенного в памяти не осталось. Да и то, что в подростковом и взрослом возрасте случалось, не все помню, сознание не хочет вспоминать, считая несущественным или вредным. Первое, что точно помню, это апельсин, завернутый в папиросную бумагу со звездой, лучи которой были выполнены двойными линиями красного и синего цвета, разворачиваешь, а там он.

фото 1939 год.

Это был, как сейчас понимаю, день выборов кого то, куда-то, скорее всего в Верховный Совет, избирательный участок находился в здании, где сейчас находится Пермское хореографическое училище, что было в то время не знаю, а раньше епархиальное женское училище.

Мы поднимались по мраморной лестнице, и на ее верху стояла тетя, в белом халате, продавала апельсины, и папа купил их. Они были такие вкусные, что запомнились на всю жизнь, их привезли из Испании, это был 1938 год, их революция, тогда много испанского появилось.

Хореографическое училище, наши дни.

Я родился ночью 1 мая, так как, это случилось около полуночи, записали 2 мая 1935 года, в поселке Верхние Чу-совские Городки, был крещен там же. Папа работал там в 1930- 1937 годах продавцом или кем то другим, может быть по снабжению, в потребкооперации, или в ОРС Уралнефть, которое обеспечивало продуктами работников управления по поиску нефти, если оно было, точно не знаю, работал, в общем, в магазине, возможно продавцом, папа конкретно не рассказывал или я не запомнил.

В 1932 году у папы на работе случилась производственная травма, повредил щиколотку ноги, после чего остался хромым, так как травма была трудовая, на лечение ему дали путевку в дом отдыха в Абхазии, "Новый Афон,»

на снимке он крайний справа.

так он побывал единственный раз, на юге, он тогда еще был не женат. Мама работала медсестрой в местной больнице, видимо по направлению, после окончания Сарапульского медучилища, там они с папой встретились.

Чусовские Городки.

Поселок В. Чусовские Городки до затопления, он был на правом берегу, нефтяных вышек еще нет.

Раньше были Верхние и Нижние Чусовские Городки, Верхние были районным центром, в то время в Пермской области начались поиски нефти и поселок стал еще и базой

для нефтедобытчиков. Я был в Городках, после отъезда от туда родителей в 1937 году, один раз, после того как мы приобрели дачу в Кутамыше, Валюша предложила съездить туда, посмотреть мою родину. Сын в 2023 году приехал после дня города и предложил съездить в Ильинское или в Верхнечусовские Городки, я решил ехать в Городки, мы были с Валюшей в 1990 году, сравнить, а Ильинск, если будет здоровье посетить позже.

Когда приехали к реке, паром был на другой, левой, высокой стороне, у поселка. Во время стройки Пермской гидроэлектростанции, ее пустили в строй в 1953 году, поселок перенесли на другой берег, храм был разрушен раньше, в 30 годы. На берегу увидели автобус с паломниками, Пермская епархия организует автобусные туры — паломничество по храмам Пермского края, и в этом автобусе они приехали посетить Храм Богоявления Христова в Городках.

При этом, кроме храмов, они осматривают и другие местные достопримечательности. Сын предложил присоединиться к ним, посетили храм, его построили заново, начали в 2010 году и освятили в 2015 году, потом посетили местный музей.

В музее прослушали рассказ о прошлом Городков, осмотрели зал старины и залы с рукоделием школьниц и мастериц из поселка, позже я нашел в интернете несколько фото старого поселка. Как я понял, эти фото из экспозиции «Музея

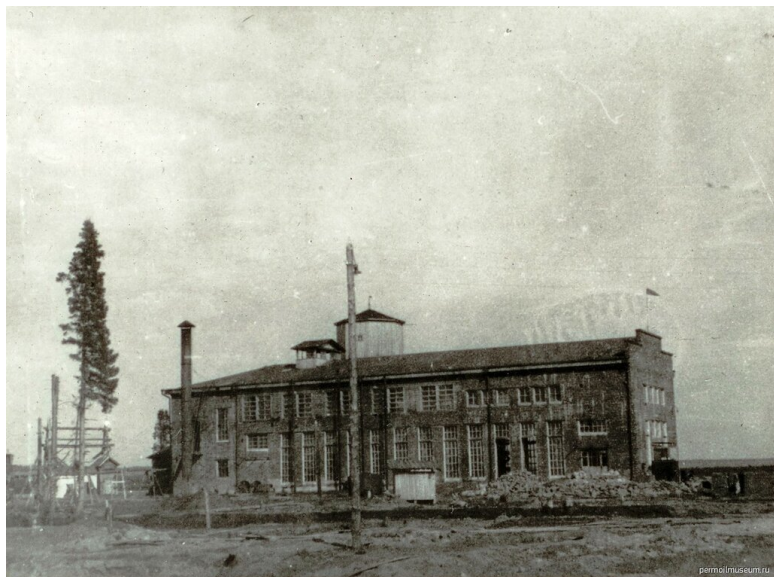
нефти», есть такой в Перми.

Больница в Верхних Чусовских Городках. Построена в 1880 году

Больница, в которой, в ночь на 2 мая 1935 года, я появился на свет, а мама работала медсестрой, ЗАГС находился на ул. Румянцевской, тогда видимо она была центральной улицей. Искал фото клуба или чего-то подобного, где происходили спектакли «Народного театра» и где участвовал папа, не нашел.

Нефтяное месторождение открыли в 1925-27 годах, ее добыча не осуществлялась, в 1929 году построили железнодорожную ветку, от ст. Комарихинская до поселка, новую станцию назвали Уралнефть. Ветку построили для вывоза нефти, тогда и началась, нормальная добыча ископаемого. Позже, посчитав выгоду, построили на левом берегу, недалеко от станции, нефтеперерабатывающий завод и стали вывозить продукты переработки.

Здание нефтеперерабатывающего завода, в настоящее время перестроенное, существует как здание комбината бытового обслуживания или чего-то другого.

При выполнении химических анализов, обнаружили бром и йод, для их производства тоже построили, только на правом берегу, завод, который работал до затопления.

В. Чусовские Городки, нефтяные вышки в поселке.

После начала затопления, все демонтировали, скважины запечатали, эксплуатацию месторождения прекратили, хотя нефть еще есть, открыли новые пласты, и в губернаторство Игумнова, руководство области обещало возродить нефтедобычу и переработку сопутствующих ископаемых. До 1962

года, поселок был центром Верхне-Городковского района, затем полномочия были переданы в город Чусовой, поселок стал просто рабочим, в 2009 году, поселок из городского типа, был переведен в сельский. Население, начиная с конца 90 годов, стало уезжать, железнодорожную ветку демонтировали, в 2005 году, точную дату не знаю, что снова способствовало оттоку населения, сейчас это большое село, но оно живет и надеется, что нефтедобычу возобновят. Как памятник открытию нефти, в районе поселка оставлена вышка «Бабушка».

В наш приезд, в 1990 году, мы приезжали специально посмотреть мою родину, в поселке было, по моему мнению, тогда больше жизни, на берегу были какие-то мастерские. Был книжный магазин, в нем продавец была патриотом поселка, она написала небольшую книжечку о школьном театре, который существовал в Городках. Был хозяйственный магазин, а сейчас ничего не увидели, обычное село.

Волга — Волга.

Фильм «Волга -Волга» снимали, когда родители жили в поселке, в то время в Чусовских Городках был народный театр, там жило и работало много интеллигенции, геологи, буровики, из-за открытой здесь нефти. Они организовали театр и привлекли местных жителей в артисты, поэтому потом многие из них участвовали в съемке массовок кинофильма и продолжали играть разные спектакли. Папа тоже, после работы, был артистом этого театра, у нас есть несколько фото из спектаклей, где он участвовал: «Чужой ребенок», «Волчья тропа» и других. Фото с фамилиями участников: Милашевич, Анисимов, Горский, Кузьмин, Кузьмина, Горская, Лоткина и др.

Фото руководителей театра, муж и жена Погодины, они тоже играли, на память папе, кто кем и где работал, папа не говорил.

Сцена из спектакля «Чужой ребенок» И. В. Шулаев – доктор Караулов.

Сцена из спектакля «Волчья тропа», И. В. Шулаев капитан.

О моем рождении ему сообщили во время его участия в спектакле. В 1937 году в поселке начались аресты работников нефтепромыслов, в том числе среди артистов народного театра, как группы заговорщиков, был арестован папин друг Бобров, и родители переехали жить в Пермь.

Папа и мама.

Папа стал работать продавцом в разных магазинах, в том числе, в потребкооперации, запомнился магазин УОТс или УОПс, на улице Красноуфимской (Куйбышева. Папа показывал и говорил, что тот связан с потребкооперацией, из выписки ОК холодильника, полученной мной в наше время, узнал, что он был принят на Пермский холодильник продавцом в 1937 году и проработал до 1939 года, наверное, потом в УОПс.

Папа, Шулаев Иван Васильевич, родом из села Сюкеево Камскоустыинский район Татарстана, 1906 года рождения.

Магазин был большой, находился на углу улиц Ленина и Куйбышева, там сейчас газоны и стоянка. После войны в нем был гастроном, еще у нас есть фото здания, угол Коммунистической и Толмачева, в нем был тоже магазин потребкооперации.

А потом стала поликлиника Кагановического района. В 1937 году папа начал работать на Пермском холодильнике,

продавцом в его магазине, потом в УОПС, а потом ушел из него и работал продавцом в винном магазине на Мотовилихинском рынке, потом снова в 1940 году вернулся на холодильник, на должность заведующего материальными складами.

Шулаева (Митрошина) Агния Андреевна, слева, она работала медсестрой в Александровской больнице, теперь краевой.

Мама, 1914 года рождения, Агния Андреевна Митроши-

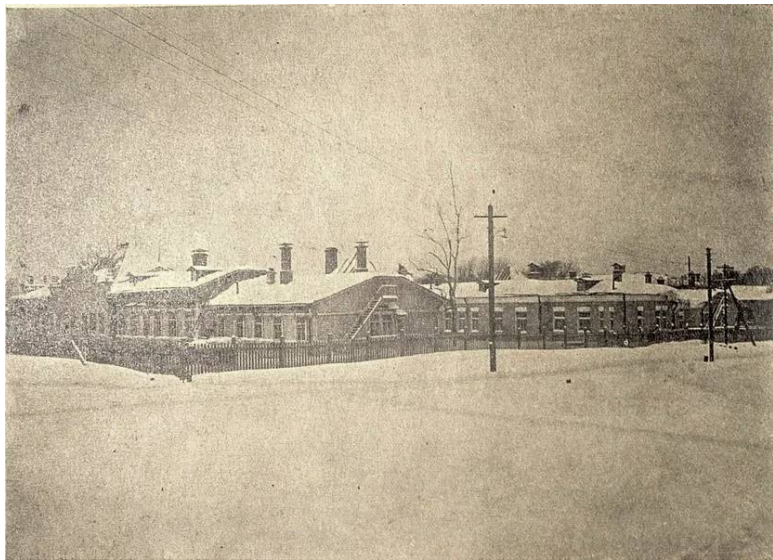
на, родом из села Кибаево, Сарапульского района Удмуртии, раньше входил в Пермскую губернию, вернее в Уральский округ с центром в Перми. У нее был старший брат Александр и две сестры, младше ее, Елена и Александра.

На углу улиц Пушкина и Куйбышева было полуторозажное, деревянное здание, зеленого цвета, не сохранилось, точно такое, но одноэтажное сохранилось на другом углу, архитектурный ансамбль.

Александровская больница, инфекционное отделение, поликлиника, больница, расположено на другом углу улиц Куйбышева и Пушкина. В настоящее время построен но-

вый современный, инфекционный комплекс, на месте старой больницы, в настоящее время, разбивается сквер, почва дезактивируется, прокладываются дорожки, будут высаживаться деревья и кустарники.

В конце 1920, начале 1921 годов начался в Поволжье голод, его родителей, по какой-то причине, еще раньше, не стало. Папа говорил про болезнь, от которой много людей умерло и гражданскую войну, про пожар, на котором погиб кто-то из родственников. Рассказывал про деда, Василия, с

большой черной бородой, может это был он, и еще что-то было, но я не запомнил подробностей, и он с сестрой решили уйти искать места, где нет голода. Рассказывал он редко, урывками, когда я уже учился в классах 5-7 и позже, когда возникало настроение. Позже уже подростком, прочитал и понял, что это была «испанка,» первая эпидемия гриппа.

В настоящее время в интернете увидел сайт «Сюкеевские Шулаевы», в котором обнаружил родословную нашей фамилии и это фото, где пишут, что предположительно, это Сергей Васильевич Шулаев и его жена Варвара. Но не уверены, потому что фото сборное, из двух фотографий, на которых в Варваре уверенны, а в Сергее сомневаются. У него, была, как помнят, седая окладистая борода, на фото борода черная, раздвоенная, а не окладистая.

Я предположил, что, возможно, это дед Василий Васильевич или прадед Василий Фомич, папа говорил, у них были тоже бороды черные, но Сергей Васильевич, брат Василия Васильевича и у него черная борода могла быть.

Изучая родословную, неожиданно, обнаружил расхождение родословной с рассказами папы.

У Василия Васильевича, жена Мария Ивановна, дети: Андрей год?, Иван 1906 год (мой отец), умер в 1955 году, Василий год?, Степанида год?, Александр 1926 год, погиб в 1945 году?

Со слов моего папы, Ивана Васильевича Шулаева, в 1920 году, когда он ушел из дома с сестрой, которая потом потерялась, родители умерли от болезни, голода. Он ошибался, говорил неправду, зачем? Или он убежал из дома, и сам не знал правду? По родословной, Александр родился в 1926 году, от

кого? Кто-то напутал, при составлении родословной, когда стали записывать по поколениям, записали не туда, или от Василия и Марии, и они были живые, в родословной второй жены нет. Года рождения и смерти, Василия и Марии нет, мой папа с 1906 года, разница с Александром 20 лет, мог ли быть у них ребенок в 1926 году, неясно и спросить не у кого. Когда в 1940 году мы ездили в Сюкеево, я не знал к кому, был мал, позже папа не рассказывал и рано умер, а потом, пока сам не захотел, я не интересовался. Может, родственники прочитают и внесут изменения или объяснения в родословную, напишут в мой канал на Дзен.

Ильинское.

Уйдя из дома, папа с сестрой стали пробираться на Урал, там голода не было, сестра потерялась, а он оказался в селе Ильинское Пермской области.

И. В. Шулаев, 1925 год, село Ильинское.

В Ильинском его приютила семья старообрядцев, Поносовых, жили они в деревне Тупица, как бы одно поселение с селом было. Состава их семьи точно не знаю, были ли живы родители, тоже, были братья, занимались, кроме обычных сельхозработ, скупкой, переработкой и продажей мяса, точнее старший, Еремей, сын Николай ему помогал, и сестры, Мария и Анфиса, она жила в Перми, в селе была мясная лавка. Папа работал помощником по дому, нянчился с младшим сыном дяди Еремы Леонидом и помогал в лавке, а когда подрос, стал работать продавцом, а также ездить с братьями на закупки по деревням и селам района. Папа еще в Сюкеево закончил сельскую 2х классную школу, что по тем временам считалось, что он довольно грамотный.

Еремей Поносов с усами, он воевал в Империалистическую войну, Леонид родился после его возвращения.

После окончания периода НЭП, 1929 год, и прекращения частной торговли, а также с началом коллективизации, Поносовым пришлось уехать, так как лавку, дом и землю отобрали, как у торговцев, раскулачили. Они избежали отправки, в какие-то места, или просто уехали в Пермь, они никому не были нужны. Папа остался и стал работать продавцом, обучился у братьев, в лавках потребкооперации, которую организовали в 20 годах в Ильинском и других селах, говорил про Чермоз, и так оказался в Чусовских Городках.

Василий и Мария Поносовы, и Иван Шулаев, село Ильинское, 1929 год.

Пермь.

В Перми наша семья, после переезда из Городков, стала жить на улице Горького, (Соликамской), в двухэтажном деревянном, на каменном фундаменте, доме, второй дом от угла улицы Советской (Торговой), и ниже дома, в котором в 70 годы было бюро по обмену жилья.

Дом ниже автобуса, фото сделано со стороны хореографического училища, оно находится на углу улиц Горько-

го (Соликамской) и Коммунистической (Петропавловской),
1971-73 год, толпа возле объявлений обменного бюро.

Я, 1937 год.

Я был любимым папой, мамой и довольно упитанным ребенком, носил матросскую рубашку и штаны на ляпочках. Меня оставляли с кем-то из соседских девочек постарше, а может и со взрослой или пожилой нянькой, не помню. Детей было много, и все играли во дворе, там были какие-то развалины и кусты, много позже узнал, что это были останки технического железнодорожного училища, расположенного на улице Советской (Торговой), снесли в начале 30 годов. Старшие дети бегали на Каму, к пристаням, купаться, няньке меня туда водить не разрешали, до Камы было близко, один короткий квартал, вниз по улице и поворот налево к дому купца Мешкова, ныне Краеведческий музей.

Только однажды, на Каме загорелась пристань, большой дебаркадер, все ребята побежали смотреть пожар, и я побежал вместе с нянькой, или с кем-то другим. Добежали до решеток, ограждающих дорогу над тоннелем жел. дороги и откосом берега, там был и сейчас существует спуск на берег, в виде узеньких ступенек, без перил, спускаться побоялись, смотрели сверху, а может позже с родителями или ребятами все же спускались, почему-то решетки, ступеньки запомнились и пожар, взрослым проверял, ступеньки есть. Когда с

пожара вернулись домой и стал вечером рассказывать про пожар, попало, почему туда бегали без разрешения. После, ребята постарше, во дворе, рассказывали, что ныряли за банками консервов и бутылками, на дебаркадере был ресторан, в каком, это было, году не помню, может, когда были выборы, может позже.

В 2022 году на ДЗЕН, автор AU3142. опубликовал статью о кладе, в кладе были советские серебрянные монеты 20 годов с небольшим количеством царских, найденном археологами, при раскопках на месте, снесенного дома, по адресу,

улица Горького 12, это и есть дом, в котором жила наша семья с 1937 или 1938 года, до 1941 год, Может и еще где-то сначала жили, у папы в выписке с места работы, которую я получил, с ОК мясокомбината, записана улица Парковая, 4, район Разгуляя, но я помню только этот дом.

Окно комнаты, на 2 этаже, выходило во двор, общая кухня, туалет пристроен к стене дома, еду готовили на керосинках, у части дома со стороны двора была терраса. Дом, назывался жактовский. ЖКТ, жилищноколлективное товарищество жильцов, городским службам не подчинялся, был управдом, который единолично принимал решения, вселял, выселял жильцов и нас поселил, за соответствующую мзду, прообраз кооперативов, существовали до войны.

Еще помню, как с папой и мамой ходили в сквер, выше спуска, «Козий загон», сквер Решетникова сейчас, папа пил пиво в красивом павильоне, до революции именовался «Биржа», а я гулял с мамой по скверу. Вход в сквер со стороны улицы Карла Маркса (Сибирской), представлял, из себя, арку.

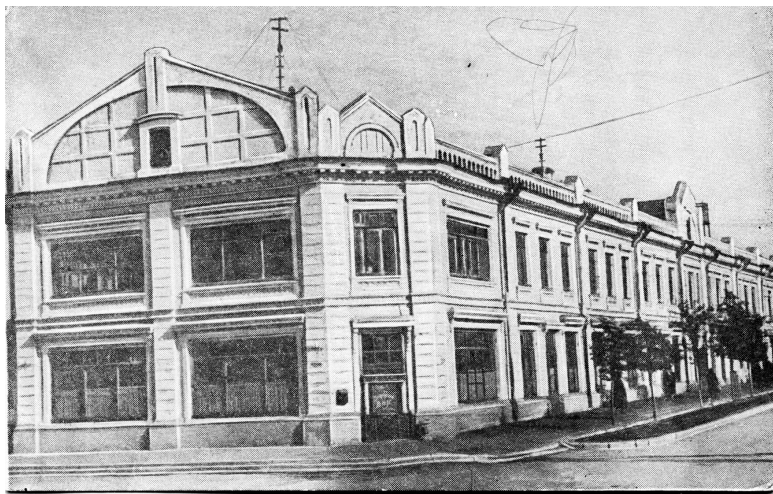

Здание «Биржи».

Улица Сибирская, (Карла Маркса), вид на арку, 70 годы.

Еще помню, ходили в «Гостиный двор» или «Пассаж», универмаг, как точно назывался, не помню, располагался он на углу улицы Куйбышева (Красноуфимской) и Коммунистической (Петропавловской), два этажа, люди ходят кругом по краям, а в середине магазины.

здание типографии Пермского издательства, до войны «Пассаж».

Было и есть три таких здания, другие 2 по Советской (Торговой) улице, что было тогда не помню, может быть и тогда были магазины, во время войны в них стали, вывезенные из Ленинграда, табачная фабрика и какие -то организации, а в том, что по улице Коммунистической (Петропавловской), типография, и еще что-то.

Улица Куйбышева (Красноуфимская), угол Советской (Торговой), между ними были еще, какие-то постройки, через площадь была пожарная каланча. До революции эта площадь была занята «Черным рынком».

По Куйбышева, от универмага в верх, до центрального рынка, стояли дома с магазинами, еще дореволюционной постройки, в каждом доме то продукты, то товары какие то, угол Куйбышева (Красноуфимской) и Коммунистической, (Петропавловской), в конце виден «Пассаж», всего, что выше его уже нет, дом с куполами до революции был банком, на снимке УРС, после войны «Универмаг», а на углу магазин «Спортовары».

Поносовы.

Старший Поносов Еремей Иосифович (Осипович), с семьей, после отъезда из Ильинска, стали жить в Верхней Курье. Папа очень уважал его и его жену, я не помню ее имени, был им благодарен за воспитание, и мы часто ездили к ним, из Мотовилихи, на пароходе.

пристань мотовилиха. 1935 год.здесь была переправа в верхнюю курью.

Ходил такой через Каму, огибая остров, лежащий перед заводом Молотова и мель, что была выше острова, типа буксира, под названием «Шквал», все люди находились на палубе. Однажды, когда плыли во время грозы, в пароход уда-

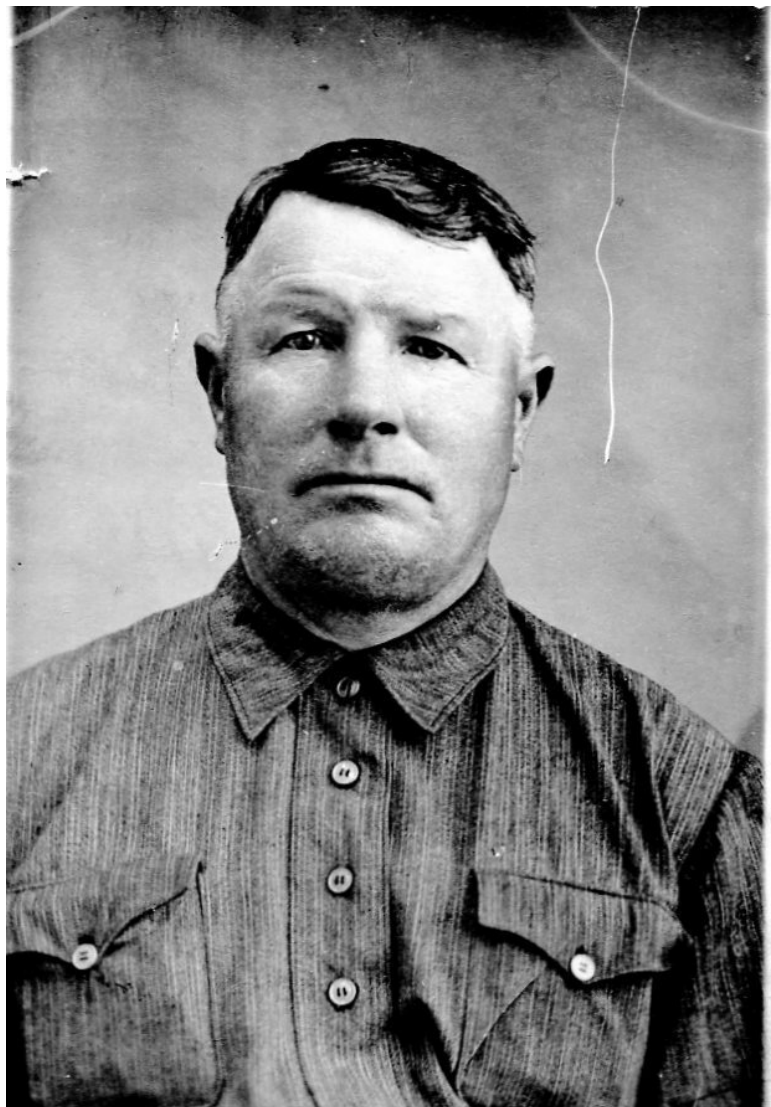
рила молния, попала в человека, он прятался от дождя в туалете, он сделался черным, воскресить не смогли.

Старинные рисунки, вид на город Пермь с острова.

Младший брат дяди Еремея, был старше папы года на 3-4, дружил с папой, уехал в Челябинск, и я его увидел только в 1950 или 51 году, он приезжал в отпуск, его семью я не знаю. Сестры, были старше его, жили, Мария в Курье, отдельно от дяди Еремея, Анфиса в городе, их семей не знаю, хотя мы и бывали у них. Поносовы жили в бараке, около ДОЦ, деревообрабатывающего цеха, позже цеха фабрики по изготовлению пианино, и он сам там работал плотником, а позже плотником там стал работать и его сын, Леонид. Приезжали мы к ним довольно часто, у них была еще дочь Тоня, старше меня на год или два, и сын Леонид, около 15 лет или старше.

Николай Поносов, 1951 год, Челябинск.

Много позже, я зарегистрировался в «Одноклассниках», там написал, что ищу родственников по линии папы, что он родился в Сюзеево, и что юность провел в Ильинском, в семье Поносовых. Встретил там и познакомился с разными людьми, обнаружил группы по местам рождения, в группу «Ильинск-Сретенское» вступил, написал обращение с рассказом о папе, его воспитателе Поносове. После общения с потомком других Поносовых, предположил, что братья и сестры дяди, на самом деле, его старшие дети, рожденные до войны 1914 года, а Леонид и Тоня дети советского времени.

Заключил это после того, как мне написала Лена Перевалова, она ищет родственников — Поносовых, нашла почти всех предков и составила свою родословную, до 1576 года. Написала, что ей неизвестна только судьба семейства Якова Тимофеевича Поносова, просила уточнений про моих Поносовых, показала фото своих предков, я сделал с них копии.

Семья Якова Тимофеевича Поносова.

Я ей показал фото моих Поносовых, и когда их сканировал, обнаружил, что на фото Поносовых с папой, с фамилиями и инициалами на обороте, их отчество не Е, от дяди Еремы, а Я от «?». Лена Перевалова сказала, что ее Поносовы не старообрядцы, и из Тупицы, которая возле Слудки, тогда как мои, жили в Тупице в сторону моста через Обву. Она, когда составляла родословную, ездила в 2016 году туда, и ей показывали дом, в котором жили Поносовы, он сохранился,

одна комната в нем, большая, с потолком в виде купола, уходящего под крышу. Видимо молельная комната, когда она там была, дом смотрели дачники, хотели купить, может уже купили, и перестроили, в настоящее время Тупица, почти, соединилась с Ильинским.

Село Ильинское Пермский Край, 1928 год, Поносов В. Я. и Шулаев И. В., стоит Поносова М. Я.

Выскажу предположение, что Поносовы, в период коллективизации и раскулачивания, они были торговцами мясом, уехали из Ильинска, и не меняя фамилии, могли назваться любым именем, паспорта в СССР появились в 1932 году, а Поносовых много.

Поносовы, предки Е. Переваловой.

Дядя Еремей воевал в империалистическую, и сын Леонид родился после его возвращения, папа с ним когда-то нянчился, а Тоня родилась в Перми. Имя жены дяди Еремея я не помню, хотя ее саму помню хорошо, она была очень богомольная, я часто видел ее перед иконами, их был целый угол. Она почему-то жалела маму и меня, может потому, что папа с мамой, бывало, из-за меня или по другой причине ссорились, виноват в этом видимо был папа. В общем, мама ревновала, и видимо было за что, жена дяди Еремы его потом ругала, а он почитал ее как мать и слушался. Еще в «Одноклассниках», ко мне обратилась Ирина Абакумова, она предположила, что Еремей Осипович ее прадед, отец ее бабушки Евдокии, она вспомнила, что видела у нее подобную фотографию. Перевалова Елена показала родственникам фото моего папы с Поносовыми, что я ей показывал, и они опознали Марию и Василия, получается, что возможно между семьями Еремея и Якова Поносовых, если это не одно и то же лицо, существует какая-то родственная связь, а папа общался с обеими семьями.

Мама иногда приводила меня к себе на работу, она работала медсестрой у врача окулиста, я сидел в кабинете и смотрел как проверяют остроту зрения и меряют очки, вот, собственно, и все, что вспомнилось до 5 лет.

Отпуск.

В 1940 году родители поехали в июле в отпуск, решили объехать всех родственников, маминых и папиных. Кроме этого, папе предложили вернуться на холодильник и он уволился из винного магазина, в котором он работал в последнее время, магазин находился на Мотовилихинском рынке. Перед отъездом папа брился, зеркало стояло на подоконнике и упало во двор, разбилось, родители немного поссорились, что это к несчастью и может не ездить ни куда. Но потом решили, что все пройдет и поплыли, по гостям, на пароходе, 2 классом, сначала в Сарапул.

В Сарапуле встречались с мамиными братом и сестрой, дядей Шурой, он старший, и тетей Леной, Митрошиными, она была моложе мамы, у дяди была дочь Аля, старше меня на год, жена Клаша, горбатая или какая-то кособокая, у тети детей не было, или она была незамужней. Ездили в Кибаево, а может другое название, к маминой маме, там была еще одна сестра, Александра, младше мамы, и другие родственники.

Митрошины: тетя Клаша, бабушка (мама мамы), мама, папа. Я с бантиком и Аля.

Принимали везде хорошо, нам очень радовались, было застолье в доме дяди. Мне запомнился один случай, когда папа принес 2 ведра и все стали из них черпать и пить, это было пиво, а также папа вез с собой водку в маленьком чемоданчике, она была дефицитом. Прожили несколько дней, встретили всех родственников, сели снова на пароход и поплыли вниз по Каме до «Камского Устья».

Пристань там запомнилась тем, что стояла у низкого узенького берега, а дальше крутой высокий обрыв. Нас по-

садили на телегу и сначала ехали по берегу, вдоль обрыва, а потом лошадь вывезла на ровное поле, до Сюкеево ехали долго. Я устал, уснул и не помню как встречали, и родственников и кем кто приходится папе, никого не запомнил, запомнил дом, лужайка перед ним, и, если встать к дому спиной, то видно под горой деревья и за ними полоску воды — Волгу. Гостили недолго, нам что-то не очень рады были, может были не совсем родные или по другой причине, поэтому и не запомнил, не так как в Сарапуле.

Помню, как играл с ребятами, катали обручи от бочек, с помощью проволоочной закорючки и бросали их, мне однажды попало по лбу, поэтому и помню, а взрослых не запомнил. Еще запомнилось купание с папой в Волге, он посадил меня себе на спину и плавал, я соскользнул на дно, а там трава колыхается и песочек желтый, не испугался.

Пермь. Пристань на Камѣ.

Пермь. Пароход на Каме

Как домой плыли не очень запомнилось, только некоторые моменты, пароходы запомнились, папа водил по разным палубам, показывал машинное отделение, какие там шатуны крутят пароходные колеса, сами колеса, за кожухом, поднимались на мостик. На каком-то ужалила оса, разревелся, мама успокаивала и лечила, а так бегал по палубе, салону, было хорошо, радостно, по вечерам кто-то играл в салоне на рояле и в карты играли, просто разговаривали, на нижней палубе играли на гармошке и пели, было много татар, так закончи-

лась, можно сказать, первая часть жизни.

Брат.

По приезду в Пермь, мама стала часто ложиться в больницу с болезнью сердца и, как сейчас понимаю, на сохранение беременности, тогда этого не понимал. Я бывал у нее и, иногда, меня оставляли на весь день, она мне рассказывала разные истории и сказки, читала и я сам рассматривал картинки в ее книгах и научился читать. Одной из книг, по которым учил буквы, была «Гаргантюа и Пантагрюэль», с картинками, ее читала мама, когда лежала там около месяца, перед самыми родами, я запомнил картинки. Мама, по-видимому, что-то предчувствовала, так как в последние приходы к ней, ласкала и жалела меня как-то по-особенному, а я вырывался, мне 5 лет.

2 декабря 1940 года мы вдвоем с папой шли в родильный дом на улице Луначарской (Вознесенская), что там сейчас

точно не знаю.

Вход в здание, вход был ниже тротуара, надо было спуститься в вестибюль.

Папа сказал, что мама должна родить брата или сестру. Дорогой, шли по улице Куйбышева (Красноуфимская), от трамвая, придумывали имена для них, остановились на Миша, если брат, и Маша, если сестра. Когда пришли и он спро-

сил, его увели, его долго не было, а потом он пришел и сказал, что мама умерла и у меня теперь есть брат Миша. У мамы оказывается, был порок сердца и при родах случился инфаркт, она только спросила, «кто родился?», и все. Папа горевал, а я смерть мамы тогда не понимал, сильно не ощущал, играл под столом с соседской девочкой, а на нем стоял гроб, только, когда на кладбище, гроб мамы заколотили крышкой и стали опускать в могилу, сильно разрыдался, случилась истерика, понял, что остался без мамы. Стол этот, вместе с деревянным креслом, в дальнейшем путешествовал с нами по всем адресам, где мы позже жили, он был письменный, середина покрыта зеленым материалом, было два выдвижных ящика, без тумб, на ножках, они отвинчивались

Запомнил я маму такой, какая она была на пароходе, в зеленой блузке и черном сарафане, а еще в белом халате, как на работе видел, и в сорочке, в больнице перед родами, а так плохо, даже лицо не помню, только по фото. После похорон или раньше, папа вызвал сестру мамы, тетю Лену, водиться с Мишей. Она прожила месяца два-три, она не могла долго водиться, а потому стали оформлять документы в дом малютки. Ранней весной, видимо в марте, окрестили Мишу, и она уехала, а Мишу сразу отдали в дом ребенка.

Это здание на углу улиц Попова (Долматовская) и Орджоникидзе (Монастырской), из которого его забирали домой в 1944 году, после дома малютки, позже, в нем был детский дом, а потом стала, школа-интернат для не совсем развитых детей, а что сейчас не знаю. Крестили Мишу на станции Курья, в деревне Заборная, приехали на поезде. Пока ждали, я с какой-то девочкой, якобы кумой, а может моей нянькой бегал вокруг церкви, снег уже был в виде каши, и промочил ноги до колен, а потом заболел, как надолго, не помню, как прожили с тетей Леной зиму, тоже не запомнилось, только крестины.

Горки.

Затем, я только помню, что мы уже живем на Горках, там, где контора Водоканала и сейчас Цирк, эти места называли Деревенские Горки, а Городские Горки, район улицы Розалии Землячки, собственно, от тех Горок, начиналась Мотовилиха, дома Горсовета, Рабочий поселок и далее. И у меня новая мама, тетя Зина, как переезжали не помню. Я хожу в детсад, двухэтажный бревенчатый дом, во дворе много деревьев, позже оказалась, что рябина. Помню, что туалет у садика был пристроен к стене снаружи, на высоту дома, с каждого этажа был в него выход, а в дырку было видно, что делается в другом этаже, канализации не было, а вода была, умывались под краном, все стекало в яму. Помню, в садике праздновали 1 мая, наряжали в костюмы народов разных республик и меня поздравили с днем рождения. Я был одет в полосатый халат, какой-то республики, 6 лет стукнуло, о том, что у меня есть брат, я совсем забыл. Тетя Зина была женщина высокая, серьезная, старше папы, детей у нее никогда не было, добрая ко мне, к папе относилась тоже хорошо, она любила его, это я потом понял, а я вскоре привык к ней и стал звать мамой.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ
ПЕРМСКОГО КРАЯ

Рабочий поселок, 30-е годы.

Жить мы стали у нее, на улице Фрезеровщиков, дом 38, проходящей за насосной станцией водозабора городского водопровода. Улица начиналась от лога, по краю которого люди ходили на завод Молотова, по лестнице спускались, переходили железнодорожные пути, к нижним проходным, «горыньским». Дома два, три были двухэтажные, а так все собственные одноэтажные, этих было больше, стояли по обе стороны улицы, но начиная от нашего дома, она становится односторонней, на другой стороне был забор, огораживаю-

ций насосную станцию. Наш дом стоял на углу проулка, ведущего на берег, на другом углу проулка, стоял магазин маленький, его все звали «каменка», он был кирпичный, оштукатуренный, за ним стояло, по проулку, два дома и направо шла еще улица, она была короче и на самом обрыве, налево домов не было, были огороды. Старые дома на улице, в том числе школа и садик не сохранились, новая застройка, начиная от конторы Водоканала до конца горы, изменила район, появились Планетарий, Цирк, башня радио «Рифей», высотки, а в сторону лога сейчас заброшенные гаражи. Другим концом проулок выходил в поле, за которым проходили трамвайная линия и автодорога в Мотовилиху, а за ними снова поле. Ближе к остановке трамвая стояло здание, общежитие механического техникума, тогда там ремесленники тоже жили, линия проходила перед ним, а за ним снова поле,

Снимок 53-55 годов, перед началом или в начале строительства северной дамбы, линия проходит перед фасадом общежития, улица Фрезеровщиков справа, появились послевоенные постройки.

Сейчас линия проходит за ним, улица Уральская, и транспорт ходит по новой дамбе, построенной в 55-57 годы.

северная дамба. 1959 год.

Задняя часть общежития, выходящая на улицу Уральская, по проекту здание должны снести и построить точно такое же, для математической школы.

Домов от общежития до остановки у сквера на улице Розалии Землячки, вдоль дороги, не было, в дали, за общежитием, виднелись дома деревни Суханки, площадь Дружбы сейчас. Если идти из проулка, по полю налево, то выходишь к скверу, напротив сквера вдоль лога были овощехранилища и склады, за сквером были дома и гараж завода Молотова и баня, куда мы с папой ходили. Она существует и сейчас на улице Тургенева, там стояли и стоят, те же двухэтажные дома заводчан. Если от нашего дома идти дальше по улице Фрезеровщиков, в сторону города, проходишь мимо 3-5 домов и нескольких барakov. В бараках жили беженцы, они появи-

лись после начала войны, а дальше кончается забор насосной станции, и улица становится снова двухсторонней, на ней в следующих кварталах стояли двухэтажные школа и детсад и дома жителей. Улица тянулась до конца горы, собственно, это был пригород Перми, деревня Горки, под горой, на Егошихе был завод. За углом забора был выход к трамвайной остановке и магазину, от которых трамвай, вдоль горы, спускался на мост через Егошиху.

Трамвай спускается к мосту из Мотовилихи, в верхнем, левом углу фото видно трамвайное депо.

Мост был узкий на один путь, встречный автотранспорт или трамвай при встрече, пропускали транспорт, идущий из Мотовилихи, до и после моста, было две колеи.

Трамвай спускается к мосту из Мотовилихи, в верхнем, левом углу фото видно трамвайное депо.

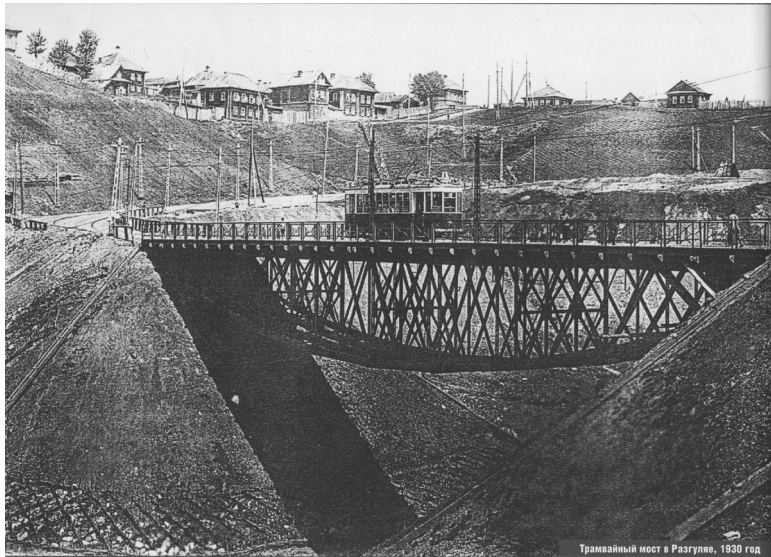
Мост был узкий на один путь, встречный автотранспорт или трамвай при встрече, пропускали транспорт, идущий из Мотовилихи, до моста и дальше было две колеи. Это было самое узкое и ровное место над Егошихой. Мост был построен до революции, он не был рассчитан на перевозку тяжелых грузов, во время войны 1914-17 года строительство остановили, тогда были сделаны бетонные опоры.

Прокудин-Горский 1910, г.Пермь, Общий вид.

Подвергли мост реконструкции только в 1925 году, с изменением трассы дороги, а в 1929 году по нему пустили трамвай, они были одно и двухвагонные.

За школой в поселке были еще улицы и переулки, он вширь и вдоль, продолжался, это все я узнал позже, когда стал старше, начал учиться и с ребятами шатался по поселку и катался на трамвае.

Трамвайный мост в Разгулье, 1930 год

Трамвай едет в Мотовилиху.

Разговоров про трамвай и мост было много, к ним цеплялись и попадали под колеса, а когда ехали на буфере, запутывались в веревке, которой опускали дугу, и некоторое время, волоклись за трамваем, пока он не останавливался, говорили, что однажды трамвай падал с моста.

Война.

Дом наш представлял собой, как сейчас называют, типа финского домика, построен на две половины, низкий, из чего сделан, не помню, типа блоки или брусья, с замазанными швами, полосатый. Квартиры состояли из комнаты и кухни, вход с торцов, туалет пристроен к дому со стороны двора, двор был крытый, и были большие огороды. Огороды выходили на крутой берег над Камой и железной дорогой, и над заводом Молотова. Соседом по дому был дядя Вася Кобелев, у него была дочь Валя, примерно одного возраста со мной. Рядом стоял маленький, на 2 окошка, дом дяди Феди, он был шофер, у него был сын Петя, дальше стоял, под липами, большой дом семьи Воробьевых, там жило много взрослых и детей, две или три семьи, все родственники. У их дома был колодец, но им не пользовались, ходили на колонку, она была возле барачков. Дальше еще были дома и бараки.

Один дом, оставшийся на улице, в 2018 году.

В воскресенье, 22 июня, у папы с тетей Зиной организовалась свадьба, которую праздновали на берегу, над Камой, играл патефон, веселились гости и тут прибежали люди с криками, что началась война. Вскоре в армию отправился дядя Вася, у него не было жены, видимо умерла или по другой причине, и Валю отправили в детдом, с фронта он не вернулся. В семье Воробьевых, кого-то тоже призвали в армию, там жили две или три семьи, у них было несколько детей разного возраста. Сверстников, всех их я не помню, было много, мы их почему-то звали по имени без мягкого знака, Борка,

Витка, Петка, Алка, хотя, как позже оказалось, девочки меня помнят. У дяди Федора сын Петя, мальчик Боря, сосед, девочки, вот с ними и играл, там были еще, в других домах, дети и старше и сверстники, и сверстницы, но они по именам не запомнились, хотя, это была вся моя компания. В общем- то, в этом, 1941 году, я еще ни с кем по-настоящему, не подружился, так как ходил в детсад, а они нет, еще не узнал, да и не до того было, война началась. Знакомиться начали позже, весной 1942, стал старше, в садик уже не ходил, стал больше быть на улице и знакомиться с окрестностями и людьми, надзора никакого не было.

Как жили.

Тетя Зина работала на заводе имени Сталина, в термическом цеху, травильщицей, или кем-то другим, по сменам, папа на Пермском холодильнике заведующим материальными складами, уезжали на работу рано, возвращались поздно. Жить стало трудно, голодно, наверное как всем, в то время, Воробьевым было трудней, было много детей, а взрослых мало, , старшие ребята пошли в ремесленное училище, все окрестные поля были засажены картошкой. Тетя Зина, была хозяйка нашего дома и пустила в пустующую, после дяди Васи, половину дома, часть семьи Воробьевых. В соседях было несколько ребят ремесленников, они учились и работали на заводе имени Ленина, тогда Молотова, иногда у них были выходные или больничные и мы с ними общались. Им было тяжело работать и учиться, были всегда голодные, хотя в училище их кормили, а после окончания училища они получали рабочие карточки, однажды они показали, как получить больничный, берут иголку с ниткой, мажут нить грязью и протаскивают под кожей ладони, получается нарыв и работать руками нельзя.

В то время многое отсутствовало в свободной продаж, в том числе и мыло, его варили и продавали, какое-то вязкое, типа замазки, в банках, с едким запахом, берешь на ладонь и размазываешь, потом смываешь, еще варили щелок, тогда

не знал из чего, им мыли волосы.

Электричества не было, у всех горели керосиновые лампы и свечи. За керосином ездили на Мотовилихинский рынок, там была керосиновая лавка, стояла над рекой, всегда были очереди людей с бидончиками. Свечки давали меньше света, ими пользовались на короткое время, лампу зажечь было труднее. Спички были в большом дефиците, продавались в больших бумажных коробках, а к ней прилагалось две пластинки картонные, по которым надо было чиркать, чтобы зажечь, они быстро истирались. В ходу были зажигалки разных фасонов, их изготавливали умельцы и продавали. Еще было огниво с трuтом, у куряк, трубочка с ваткой или чем другим, что может тлеть, кусок кремня-камешек и кресало-стальная пластинка с насечкой. Бьешь ей по кремню, летят искры, попадают на трут, он начинает тлеть и от него прикуривали или его раздували, и от появившегося пламени, зажигали лампу.

Как ели.

Питание у нас было скудное, в основном картошка и капуста, папа хорошо ее солил, огород был большой, садили много и другие овощи тоже садили. Помню, глубокой осенью стали ходить киргизы, может и узбеки были, но так мы их называли, просили разрешения перекопать огороды, выбрать остатки картошки, они где-то трудились, по мобилизации, «трудфронт», так называемый, их в армию не брали. Часто мы ели кашу «завариху», так как другой еды не было, или ничего не приготовлено, так как родители были на работе, а печь топить уже поздно. Заваривали кипятком из самовара муку, получалось тесто, те же оладьи, только не жареные, поливали постным маслом или макали в него и ели, было вкусно, а может это сейчас кажется так, а тогда с голода все было вкусное. По карточкам, что-то выкупали и, в начале отоваривания талонов, было посытнее, иногда талоны оставались не отоваренными, не было ничего в магазине.

ДЕТСКАЯ КАРТОЧКА НА ХЛЕБ

НА ОКТЯБРЬ 1941 ГОДА

НОРМА 400 ГР. В ДЕНЬ

Фамилия Удальцов

Имя и отчество Евгений

ПРИ УТЕРЕ КАРТОЧКА НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

26 окт.	27 окт.	28 окт.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
200 гр.	200 гр.	200 гр.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
100 гр.	100 гр.	100 гр.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
100 гр.	100 гр.	100 гр.

16 окт.	17 окт.	18 окт.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
200 гр.	200 гр.	200 гр.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
100 гр.	100 гр.	100 гр.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
100 гр.	100 гр.	100 гр.
19 окт.	20 окт.	21 окт.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
200 гр.	200 гр.	200 гр.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
100 гр.	100 гр.	100 гр.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
100 гр.	100 гр.	100 гр.

22 окт.	23 окт.	24 окт.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
200 гр.	200 гр.	200 гр.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
100 гр.	100 гр.	100 гр.
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
100 гр.	100 гр.	100 гр.

Копия хлебной карточки, из интернета.

100 гр.	100 гр.	100 гр.					
№ 2 НОЯБ.	№ 4 НОЯБ.	№ 6 НОЯБ.	№ 7 НОЯБ.	№ 8 НОЯБ.	№ 4 НОЯБ.	№ 6 НОЯБ.	
МАСЛО	МАСЛО	МАСЛО	МАСЛО	МАСЛО	САХАР	САХАР	
100 гр.	100 гр.	100 гр.	100 гр.	100 гр.			
№ 1 НОЯБ.	№ 2 НОЯБ.	№ 3 НОЯБ.	№ 4 НОЯБ.	КАРТОЧКА на САХАР и кондитерские изделия — МАСЛО животное и растительн. — 800 гр. РЫБУ и РЫБОПРОДУКТЫ — 1000 гр. КРУПУ и МАКАРОНЫ — 2000 гр. на НОЯБРЬ 1941 г.			
РЫБА и РЫБОПРОД.	РЫБА и РЫБОПРОД.	РЫБА и РЫБОПРОД.	РЫБА и РЫБОПРОД.				
300 гр.	200 гр.	300 гр.	200 гр.				
№ 6 НОЯБ.	№ 8 НОЯБ.	№ 7 НОЯБ.					
КРУПА и МАКАРОНЫ	КРУПА и МАКАРОНЫ			Фамилия _____			
200 гр.	200 гр.						

Копия из интернета

По норме на меня полагалось 400 грамм хлеба, на папу 600, он был служащий, на тетю Зину 800, она работала на вредном производстве, какая -то часть талонов на хлеб ими тратилась на обеды на работе, по этому его не хватало, а у меня навсегда остался аппетит на хлеб. Блюда на работе давались за деньги, талоны не вырезались, только талоны на хлеб. В рабочих и прочих карточках дневную норму хлеба, для удобства, делили на талоны с разным весом, 100-200 гр., на обед вырежут, а так как у каждого предприятия были свои подсобные хозяйства и отделы рабочего снабжения, ОРС, то блюда недорогие были и без талонов. Такие нормы, что запомнились, были в 1943-44, а может и другие были раньше, их меняли на каждый год и могли изменить в течение года. Продукты и хлеб без карточек можно было купить или выменять только у спекулянтов, на рынке, из-под полы. Хлеб делали большими буханками 2 кг, он был тяжелый, черный, продавали, отрезая кусок определенного размера и взвешивали на весах, продавцы отрезали точно, редко довески были. За хлебом стал ходить только в 1944 году, его давали рядом с домом, в «каменке», в деньгах и карточках, я тогда не очень разбирался. Родители продуктами сами отоваривались, я знал, что хлеб и продукты по карточкам и на рынке, стоимостью отличаются в десятки раз, и достать их трудно,

хотя зарплаты позволяли. Иногда по талонам, видимо вместо масла, получали суфле, что-то вроде сладкого жиденького молока, пекли картофельные лепешки или оладьи и с ним употребляли или варили кисель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.